

СВОИ гастроли в Ленинграде английский театр «Олд Вик» начал показом трагедии Вильяма Шекспира «Макбет».

Каких только «Макбетов» не знала история мировой сцены: трагедия превращалась в мелодраму ужасов, в гангстерский детектив, подвергалась разному рода модернизациям. Сравнительно недавно, в дни Всемирного фестиваля молодежи в Москве, английский театр Уоркишоп показывал нам героев трагедии, одетых в современные костюмы. Дело, конечно, не в костюмах, а в различном видении, в различном эстетическом и философском понимании произведения.

Оформление спектакля в театре «Олд Вик» переносит действие трагедии в мрачную эпоху средневековья, в реальную историческую эпоху событий, послуживших сюжетной основой произведения. Такое решение режиссера Майкла Бентала сказывается на всем строе спектакля и объясняет, а в какой-то мере и оправдывает использование некоторых натуралистических приемов в оформлении (кровь на руках и лицах актеров и т. д.) и исполнении (арт. Джордж Бейкер в роли привратника).

Суровые, лаконичные декорации Майкла Эйнелса, скупое и несколько таинственное освещение, звериные шкуры, накиннутые на плечи героев, глухая нарастающая дробь барабанов, крик совы, предвещающий убийство, составляют тревожный фон, на котором разворачивается действие одного из самых мрачных и кровавых произведений великого английского драматурга. Цель кровавых убийств, зловещие причитания ведьм, бледные тени призраков, порожденные больным воображением Макбета, — все это, по существу, лишь внешние проявления еще более страшной внутренней трагедии — трагедии сильных и умных людей, вступающих в силу обстоятельствам на путь преступлений, на путь, который

ЖЕСТОКОСТЬ И ГУМАНИЗМ

с неизбежностью приводит их к физической и духовной гибели.

«Облик великих драм Шекспира трагичен; мысль их страшна. Но все-таки общее впечатление от его творчества лучезарно. Где же скрыто солнце?» — спрашивал Ромен Роллан. От способности увидеть в кажущейся беспросветности эти скрытые лучи солнца, от умения раскрыть высокий гуманистический пафос произведения и зависит в первую очередь успех или неудача постановки «Макбета» на сцене.

Какие же возможности заложены для этого в трагедии и как они использованы в спектакле театра «Олд Вик»? Оптимизм «Макбета» заключен в его тираноборческой идее, в изображении целого лагеря людей, объединяющихся для борьбы против несправедливости и насилия. Театр ощущает важность этой драматической линии, о чем говорит впечатляющий эпизод, следовавший за первым преступлением Макбета — убийством Дункана. Внезапное подозрение, мысль о виновности Макбета заставляет всех присутствующих повернуться к нему в едином порыве и на миг застыть. А вслед за этой выразительной мизансценой звучит клятва Банко (арт. Джос Акленд) и других воинов отомстить убийце. И в их взглядах, устремленных на Макбета, читается непреклонная решимость противостоять тирану. Таких удач в спектакле немало. Все же хотелось бы пожелать театру найти более сильные режиссерские решения, большую актерскую выразительность в обрисовке сил, символизирующих добро и справедливость.

Однако светлое начало трагедии далеко этим не исчерпывается. В противном случае она превратилась бы в банальную повесть о наказанном пороке и торжествующей добродетели.

□
«Макбет» В. Шекспира

в постановке театра

«Олд Вик»

□

Глубоко человеческая мысль Шекспира пронизывает образы самого Макбета и леди Макбет. И здесь театр одержал большую победу. Пол Роджерс и Барбара Джеффорд показывают нам не только физическую гибель своих героев. Они заставляют нас поверить в неотвратимую закономерность духовной гибели людей, попирающих веру человечества в добро. Они развенчивают идеал сверхчеловека, которому будто бы дозволено все. Они утверждают своим талантливым исполнением мысль Шекспира о том, что путь зла и насилия — это противоестественный и гибельный путь.

Слыше 120 лет назад великий русский критик Белинский писал о Макбете, как о герое, «в котором заключалась такая же возможность победы, как и падения, и который при другом направлении мог бы быть другим человеком». Эти слова целиком относятся к Макбету, созданному Полом Роджерсом. Зритель ни на минуту не сомневается в том, что перед ним не просто злодей, а большой и сильный человек, который дал себя увлечь злему началу, дремавшему ранее в нем. И когда Макбет — Роджерс говорит, что вид крови его уже не трогает, то в его устах это не похвальба озвершего убийцы, а горькое признание человека, осознающего глубину своего падения. Актерское дарование Роджерса полностью раскрывается в финале спектакля, в последних монологах Макбета, в мажорски поставленной и исполненной

сцене его рокового боя с Макдуфом.

Леди Макбет... Кто она? Воплощение зла, дьявольское исчадие, демон-искуситель, сыгравший роковую роль в судьбе своего мужа, — к такому истолкованию тяготеала сценическая история этого образа. Эта почти условная символическая фигура приобретает в исполнении Барбары Джеффорд живые, человеческие черты. Перед нами женщина, страстная и любящая, честолюбивая и коварная, решительная и жестокая. Во имя искреннего, но искаженного тщеславием чувства любви она готова преступить самые святые человеческие законы и гибнет, не в силах вынести страшного сознания своей ответственности за содеянное. Противоречивость и сложность характера леди Макбет раскрывается актрисой, может быть, с наибольшей силой в сцене пира. Ее заметными штрихами актриса воссоздает целую гамму буревающих леди Макбет чувств: тревоги за мужа, самоотверженного желания помочь ему, почти материнской нежности, страха перед разоблачением, подкрадывающегося отчаяния и внутренней надломленности. И поэтому ее болезнь и последующая смерть не воспринимаются как некая кара свыше, как разный меч мистического правосудия, а как единственно возможное, логическое завершение происходящих в ней процессов. Хочет ли добавить, что сцена дуэтизма — одна из самых сильных и поэтичных в спектакле.

□
Каковы отличительные особенности исполнительского мастерства наших английских гостей? Самым важным, самым главным для актеров, для режиссера и художника, для всего коллектива театра является стремление довести до зрителя каждое слово Шекспира, каждую крупную его текста. Чрезвычайно сдержанная манера игры еще сильнее подчеркивает уди-

тельную культуру сценической речи. И при этом бережно, можно сказать, любовном отношении театра к словес-

ной ткани произведения тем большее недоумение зрителя вызывают произвольные сокращения текста трагедии. Трудно понять причины, побудившие постановщика убрать сцены и реплики, помогающие более полно раскрыть драматические образы. Это относится, например, к сцене в Англии, в которой Малькольм с целью испытать Макдуфа перечисляет свои мнимые пороки. В ответных репликах Макдуфа последовательно отражается его реакция: первоначальный оптимизм, последующая тревога и, наконец, отчаяние. Снята эти реплики, Майкл Бентал обедняет роль Макдуфа, и без того недостаточно ярко исполняемую Уильямом Расселом.

□
Но в одном случае отступление от подлинника приводит к беспорядному успеху. Третьестепенный эпизодический персонаж — офицер из свиты Макбета Сейтон — неожиданно обретает в спектакле благодаря смелому решению постановщика и великодушной пластичной игре Джоба Стюарта значительность и полнокровность подлинно шекспировского образа. Он как бы олицетворяет своей фигурой, затянута в черное трико, зловещую тень Макбета, и когда появляется в самых драматических, самых жестоких эпизодах трагедии, зритель еще явственнее ощущает незримое присутствие истинного виновника преступлений — Макбета.

□
Есть в спектакле и другие режиссерские находки, своеобразное и органическое сочетание театральной техники сегодняшнего дня и современного видения мира с традициями старого английского театра.

Первое знакомство ленинградских зрителей с популярным английским театром «Олд Вик» оказалось событием серьезным, волнующим и памятным.

А. БРУХАНСКИЙ